

— Это... это для меня? Оберег из храма Янчжун? — Гу Чуньлай переворачивал оберег в руках, сжимал его, но никак не мог решить, куда его положить.

— Да, я взял его в храме Янчжун. Я держал твой, но в последнее время был так занят, что забыл об этом. У каждого в группе есть такой, для защиты.

— Что? Я думал, каждый сам берёт, а оказывается, группа раздаёт... — Гу Чуньлай пробормотал, затем повысил голос:

— У тебя тоже есть, да? Почему я его не вижу?

— А... — Сяо Жофэй замер, затем улыбнулся, потер нос и смущённо прошептал:

— Забыл.

Гу Чуньлай не сдержал смеха:

— Дурак, как можно забыть о себе.

С этими словами он полез в карман и достал длинную красную нить, которая почти касалась пола. На другом конце нити висел красный оберег, точно такой же, как тот, что он только что получил.

— У тебя тоже есть. — Сяо Жофэй продолжал улыбаться, поблагодарил и взял оберег в руки, проводя пальцами по узору, словно это было письмо о зачислении в желанный университет.

— Я взял его у настоятеля в тот день.

Сяо Жофэй примерил его на шею, снял, затем попробовал прикрепить к шнурку чехла телефона, но после нескольких попыток сказал:

— Твоя нить слишком длинная, если повесить на шею, она будет доходить до пупка.

— Что мне делать, — Гу Чуньлай развёл руками, — кто-то взял все короткие нити, остались только такие.

— На телефон не повесишь, на шею тоже, как его носить для защиты? — Сяо Жофэй сказал это с ноткой каприза.

Гу Чуньлай пожал плечами:

— Обмотай несколько раз вокруг запястья.

Он взял оберег Сяо Жофэя, наклонился и начал обматывать красную нить вокруг его запястья. Его лицо было скрыто падающими на лоб волосами, и Сяо Жофэй не мог разглядеть его выражение.

Нить обернулась вокруг запястья ровно девять раз, плотно прилегая к коже. Гу Чуньлай с удовлетворением посмотрел на свою работу, похлопал Сяо Жофэя по руке и сказал:

— Жофэй, в следующий раз не забывай о себе.

С этими словами он собрался уйти, но Сяо Жофэй схватил его за руку, не отпуская.

Его голос прозвучал неожиданно:

— А если я забуду?

Гу Чуньлай остановился и обернулся, с недоумением глядя на него.

Сяо Жофэй продолжил:

— Если я снова забуду, ты снова возьмёшь для меня оберег?

— В следующий раз мы можем даже не быть в одной группе, ты слишком далеко заглядываешь.

— А если будем, ты возьмёшь?

Наступило утро. Съёмочная площадка, тихая всю ночь, начала оживать. Члены группы снова начали работать, готовить декорации, завтракать, разговаривать, и шум постепенно становился громче, пробиваясь сквозь тонкое стекло трейлера. Но Сяо Жофэю казалось, что всё это далеко, нереально, и только человек перед ним, говорящий самые обычные слова, был настоящим.

— Хорошо.

В последнее время Сяо Жофэй часто видел один и тот же сон.

Во сне было лето, деревья были покрыты густой листвой, а коридор, окрашенный в бело-зелёные цвета, казался узким и длинным, пустым. Вдалеке виднелась чья-то спина, словно чёрная дыра, поглощающая всё вокруг, без света, и никто не знал, что произойдёт, если попасть туда. Но он хотел попробовать, ведь как иначе узнать? Он шёл вперёд, протягивая руку, но как бы далеко ни шёл, спина всегда оставалась на том же расстоянии, недостижимой. Он шёл так долго, что в конце концов остановился, обернулся и увидел, что за ним стоит человек. Они были одного роста, глаза того человека были яркими, но лицо размыто, словно покрыто туманом, который невозможно развеять.

Он хотел спросить, что тому человеку нужно, чем он может помочь, но тот покачал головой, взял его за руку и сказал:

— Мне нравишься ты, давай встречаться.

Каждый раз на этом месте Сяо Жофэй просыпался. Он не помнил своего ответа, не помнил реакции того человека, только чувствовал, как что-то давит на него, вызывая тяжесть и головокружение.

Если посчитать, прошло всего 36 часов с тех пор, как он покинул Байшуй, но Сяо Жофэю казалось, что прошла целая вечность.

Он передал обязанности сценариста доверенному человеку, и группа работала слаженно, но он всё равно каждые два часа проверял план съёмок, чтобы узнать, на каком этапе они находятся, есть ли проблемы, которые нужно решить.

Но все его опасения оказывались напрасными. В группе WeChat «Сказание, учение, шутки и пение» даже выработался рефлекс: как только Сяо Жофэй писал пару слов, участники начинали писать: [Всё в порядке, съёмки идут хорошо]. Только Гу Чуньлай отправлял ему два коротких видео: иногда это были сцены, где актёры репетировали свои роли, а иногда просто

моменты, когда все уставали во время перерыва.

Сяо Жофэй смеялся, спрашивая, почему он не снимает себя, а Гу Чуньлай парировал, что он оператор, и его задача — сообщать о ходе съёмок, а не снимать себя. В итоге в группе остались только их перепалки, и, поскольку их аватарки были похожи, Чжан Ичэн жаловался, что они разговаривают сами с собой.

Тогда они перешли в личную переписку. Сяо Жофэй отправлял фотографии лобстера и стейка в самолёте, а Гу Чуньлай — лепёшки с финиками и рагу. Сяо Жофэй писал, что в самолёте снова посмотрел «Короткий фильм о любви», который они смотрели на занятиях, а Гу Чуньлай рассказывал, что вечером режиссёр Фан показал в открытом кинотеатре «Полнолуние в Париже», и он думал, что это будет комедия о счастливой семье, а оказалось, что это фильм о любви, и он даже не представлял, что любовь может быть такой.

Они обсуждали съёмки, книги, которые читали раньше, незабываемые песни и облака, похожие на крылья птиц. Постепенно Гу Чуньлай перестал отвечать, и Сяо Жофэй пожелал ему спокойной ночи, а сам погрузился в сон.

Но в самолёте спать было неудобно. В салоне было холодно и душно, и воздух, словно лезвие, резал горло. Сяо Жофэй проспал два-три часа, затем с трудом поднялся, вызвал стюардессу и заказал лимонад, томатный сок, бокал рислинга и маленькую бутылку воды из Фиджи.

Экран развлекательной системы всё ещё горел, показывая, что прошло уже пять часов полёта, и они приближались к Берингову проливу, пересекая линию смены дат.

Сяо Жофэй огляделся: в салоне было тихо, все, казалось, спали, и он тихо приоткрыл шторку иллюминатора. Перед ним предстало огромное красное солнце, висящее в далёком небе, словно его можно было коснуться. Небо переходило от алого к оранжевому, затем к розоватому оттенку рассвета, напоминая шёпот влюблённых. Он протёр конденсат на стекле, прижал камеру к окну, сделал девять снимков, затем выбрал самый яркий и отправил его человеку с пометкой «Цветок», добавив [Доброе утро].

Выпив четыре напитка и умывшись, Сяо Жофэй наконец почувствовал себя бодрее. Он открыл ноутбук, собираясь прочитать последние сценарии, как вдруг телефон завибрировал дважды.

Открыв сообщение, он увидел, что Гу Чуньлай написал: [Очень красиво]. Сяо Жофэй посмотрел на время: в Китае было уже за полночь. Он почувствовал вину, решив, что разбудил его, но, войдя в диалог, увидел, что под его фотографией неба с оттенками оранжевого, жёлтого и фиолетового было написано: [«Цветок» отозвал сообщение].

Сяо Жофэй без колебаний написал:

— Парень, ты крут, не спишь в такую ночь, и ещё пытаешься скрыть это???

Прошло пару минут, прежде чем пришёл ответ:

— Отправил, а потом вспомнил. [Смайлик с пожиманием плечами.]

Сяо Жофэй засмеялся:

— Ты думаешь, я не узнаю, если ты отзовёшь?

На этот раз Гу Чуньлай ответил мгновенно:

— Отозвал, а потом вспомнил. [Снова смайлик с пожиманием плечами.]

Сяо Жофэй с улыбкой написал:

— Дурачок, если спишь так мало, как ты запомнишь свои реплики?

Гу Чуньлай отправил кучу бессмысленных символов, затем многоточие, и только потом понятный текст:

— Ничего не поделаешь, я очень нервничаю, не могу уснуть.

Сяо Жофэй посмотрел на план съёмок и понял, что завтра у Гу Чуньлая должна была быть сцена с поцелуем. Он внезапно начал смеяться, но не мог издать ни звука, только уткнулся лицом в одеяло и трясся от смеха целую минуту.

Даже после восьми лет разлуки Сяо Жофэй знал, что Гу Чуньлай был слишком спокойным человеком, глубоко задумчивым, склонным к самокопанию, и хотя в актёрской игре ему иногда не хватало уверенности, он никогда не нервничал.

<http://bllate.org/book/15563/1415636>